

Н.В. Потапова



**Право на истину:
Пустой футляр**

Н.В. Потапова

Право на истину: Пустой футляр

«Автор»

2026

Потапова Н.

Право на истину: Пустой футляр / Н. Потапова — «Автор», 2026

Год 2000. В заснеженном провинциальном городе назревает громкий скандал: из особняка влиятельного директора завода украдены драгоценности и крупная сумма денег. Полиция быстро находит «идеального» подозреваемого — пожилого учителя музыки, дававшего уроки скрипки хозяйской дочери. Казалось бы, дело закрыто. Но за безнадёжную защиту берётся Елена Крылова — бывший следователь, а ныне адвокат с обостренным чувством справедливости. Ей помогают верные подруги: владелица уютного ателье Марина и проницательный филолог Анна. Вооружившись женской интуицией, жизненным опытом и горячим чаем, они начинают собственное расследование. Им предстоит распутать клубок семейных тайн богатого дома и доказать: истина звучит совсем не так, как кажется на первый взгляд. Захватывающий и тёплый детектив о том, что настоящая дружба и ум способны победить любые обстоятельства.

© Потапова Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Ночной визит	6
Встреча в СИЗО	11
Квартира Свинцовых	15
Свинцов	19
Сомнения	24
Разговор с Екатериной	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Н.В. Потапова

Право на истину: Пустой футляр

Право на истину: Пустой футляр

Ночной визит

Густой декабрьский сумрак мягко ложился на подоконник, пряча за стеклом колючий снег. Окна дребезжали от порывов стылого ветра, но внутри квартиры Елены Крыловой царило тепло и покой. Тяжелый шерстяной свитер, связанный когда-то давно, приятно согревал плечи. В руках она держала толстостенную керамическую кружку с обжигающе горячим чаем. Аромат бергамота смешивался с запахом старых бумаг, лежащих на столе. Долгий рабочий день наконец-то остался позади. Папки по очередному делу, где эмоции клиентов безнадежно путались с фактами, были заперты в старом кожаном портфеле. Тишина в квартире казалась физически осязаемой, густой и тягучей, как мед, медленно стекающий по стенкам банки.

Елена прикрыла глаза, наслаждаясь моментом одиночества. Только она, горячий чай и едва слышное тиканье настенных часов.

Резкая, дребезжащая трель дверного звонка разорвала эту тишину на куски.

Елена вздрогнула, едва не расплескав чай на светлые домашние брюки. На мгновение пальцы сильнее сжали ручку кружки. На часах было начало десятого вечера. Раздражение острым колючим комком свернулось под ребрами — вечерний покой, столь редкий и ценный, был бесцеремонно нарушен. Она никого не ждала. Подруги всегда звонили заранее, а визиты незваных гостей в такое время редко сулили что-то приятное.

Она неспешно отставила кружку на стол. Керамика глухо стукнула о деревянную столешницу. Звонок повторился — на этот раз настойчиво, долго, словно кто-то вдавил кнопку пальцем в отчаянии и не собирался ее отпускать.

— Иду, — громко, с легкой долей недовольства произнесла Елена, направляясь в прихожую.

Щелкнул массивный замок. Тяжелая дверь приоткрылась. На пороге стояла Ирина Петровна Крючкова, соседка по лестничной клетке. Обычно всегда безупречно аккуратная, интеллигентная женщина шестидесяти лет, бывшая преподавательница литературы, сейчас выглядела совершенно потерянной и разбитой. Седые, обычно уложенные в строгую прическу волосы выбились из-под наспех накинутаго на плечи пухового платка. Плечи женщины нервно вздрагивали, а в глазах стоял ужас. По бледным, покрытым сеточкой морщин щекам катились крупные слезы, оставляя влажные блестящие дорожки.

— Леночка... — голос Ирины Петровны сорвался на глухой хрип. Она судорожно вцепилась побелевшими от напряжения пальцами в рукав Елены свитера. Дыхание соседки было прерывистым, пахнувшим корвалолом. — Леночка, умоляю, помогите нам!

— Ирина Петровна, что случилось? — Елена мгновенно переключилась, отбросив домашнюю расслабленность, как ненужную шелуху. Годы работы следователем научили ее в доли секунды собираться в стальной кулак. Она аккуратно, но крепко взяла соседку за плечи. Тело пожилой женщины сотрясала мелкая, непрекращающаяся дрожь. — Успокойтесь. Выдохните и говорите внятно.

— Там... там они... всё переворачивают! — сквозь рыдания выдавила соседка, мотая головой. — У нас обыск! Сенью забирают! Леночка, они говорят, что он вор! Мой Сеня!

Елена нахмурила темные брови. Семен Борисович Крючков, муж Ирины Петровны, был интеллигентнейшим человеком шестидесяти двух лет. Преподаватель музыки по классу скрипки от Бога, он жил партитурами, гаммами и концертами в филармонии. Заподозрить этого тихого, рассеянного старика, который мог забыть купить хлеб, но помнил наизусть всего Паганини, в воровстве было так же абсурдно, как обвинить фонарный столб в превышении скорости.

— Какой обыск? В чем именно его обвиняют? — Елена быстро шагнула к вешалке, одним выверенным движением снимая с крючка строгое шерстяное пальто.

— Кража... — Ирина Петровна прижала ледяные ладони к пылающему лицу. — У директора завода... Свинцова Максима Владимировича. Сеня же учил его дочку, Лизочку, играть на скрипке. Ездил к ним домой дважды в неделю. И теперь они говорят, что из квартиры пропали огромные деньги! И ювелирные украшения его жены! Леночка, они сейчас там, роются в наших вещах, в шкафах!

— Я поняла, — коротко бросила Елена, натягивая высокие кожаные сапоги. Внутри уже разворачивалась привычная, холодная пружина профессиональной сосредоточенности. Никаких эмоций. Эмоции — враг адвоката. Только сухие факты и протокол. — Идемте. Я буду представлять интересы Семена Борисовича с этой минуты.

Они прошли несколько шагов по выкрашенной зеленой краской лестничной клетке до приоткрытой двери Крючковых. Из квартиры доносился глухой стук передвигаемой тяжелой мебели, скрип половиц и незнакомые, властные мужские голоса. Елена уверенно, по-хозяйски шагнула внутрь.

Тесная, уютная прихожая, всегда пахнувшая мастикой для пола и старыми библиотечными книгами, сейчас была заполнена чужими, равнодушными людьми. Двое оперативников в темных куртках методично потрошили содержимое платяного шкафа, небрежно сбрасывая на пол стопки тщательно отутюженного постельного белья Ирины Петровны. В центре гостиной, ссутулившись на старом венском стуле, сидел Семен Борисович. Его длинные, невероятно красивые пальцы музыканта нервно перебирали полы домашнего вязаного кардигана. Взгляд был потерянным, устремленным в одну точку на ковре. Молодой следователь в помятом пиджаке с залысинами на рукавах что-то быстро строчил в протоколе, разложив бланки прямо на старинном ломберном столике, едва не задевая антикварную лампу.

— Добрый вечер, — голос Елены прозвучал резко, холодно, словно щелчок затвора, заставив следователя вздрогнуть и поднять голову. — Крылова Елена Николаевна, адвокат Семена Борисовича Крючкова. Прошу немедленно предоставить постановление на обыск и ваши служебные документы.

Следователь, парень лет двадцати пяти с цепким, колючим взглядом, нахмурился, оценивающе оглядывая Елену. Ее строгая осанка, ледяной безапелляционный тон и уверенность, с которой она перешагнула порог, явно сбили его с привычного ритма работы. Он ожидал увидеть лишь испуганных пенсионеров.

— Следователь Колесников, — он неохотно полез во внутренний карман пиджака и достал красную книжечку удостоверения, а затем протянул бумаги. — Обыск проводится на законных основаниях. Поступило официальное заявление от потерпевшего Свинцова Максима Владимировича о краже в особо крупных размерах. Гражданин Крючков является одним из немногих, кто имел беспрепятственный доступ в квартиру в день происшествия и находился там без присмотра хозяев.

Елена быстро, выхватывая главные слова, пробежала глазами по строчкам постановления. Печати, подписи, санкция прокурора — все формальности были соблюдены. Понятые топтались в углу — двое молодых испуганных парней, переминающихся с ноги на ногу, явно вызванные с улицы.

— Я требую, чтобы обыск проходил строго в моем присутствии в каждом конкретном помещении, — твердо заявила она, возвращая бумагу Колесникову и глядя ему прямо в переносицу. — Не рассредотачивайтесь по квартире. Все присутствуют в одной комнате. Начинаем с гостиной.

Она встала рядом с Семеном Борисовичем, положив тяжелую, теплую ладонь на его опущенное плечо. Старик вздрогнул и медленно поднял на нее глаза, полные бездонного отчаяния, растерянности и немного вопроса. Елена ободряюще сжала пальцы, транслируя ему свою непоколебимую уверенность и защиту. Ирина Петровна, прислонившись к дверному косяку, тихо и горько плакала, уткнувшись в пуховый платок.

Обыск продолжился по правилам Елены. Оперативники работали методично, но уже без прежней наглости: простукивали стены, проверяли ящики массивного письменного стола, бережно листали тома потертых нотных записей. Елена следила за каждым их движением ястребиным взглядом, не позволяя ни на секунду упустить руки обыскивающих из виду. Никаких подбросов, никаких нарушений протокола. В воздухе висла густая, тяжелая, как свинцовое облако, атмосфера тревоги.

— А это у нас что? — один из оперативников, рослый парень с тяжелой челюстью, потянулся к черному потертому скрипичному футляру, лежавшему на полированной крышке пианино.

Семен Борисович снова дернулся, словно от удара электрическим током.

— Это... это скрипка. Мой инструмент. Пожалуйста, будьте с ней осторожнее, ей больше семидесяти лет, — его голос предательски задрожал, срываясь на высокие ноты.

Оперативник грубо щелкнул металлическими замками. Крышка откинулась с легким скрипом. Внутри на потертом красном бархатном ложе покоилась изящная скрипка. Опер начал бесцеремонно ощупывать подкладку, затем запустил толстые пальцы в небольшое боковое отделение для канифоли и запасных струн.

Внезапно его движение остановилось. Лицо приняло самодовольное, торжествующее выражение охотника, поймавшего дичь.

— Товарищ следователь! Кажется, есть! — он вытащил руку из футляра.

В его грубых пальцах тускло блеснул желтый металл. На фоне старого красного бархата лежало массивное женское золотое кольцо с невероятно крупным рубином, окруженным сверкающей россыпью мелких бриллиантов. В свете тусклой советской люстры грани огромного камня сверкнули зловещим багровым цветом, похожим на каплю свежей крови.

В комнате повисла мертвая, звенящая тишина, нарушаемая лишь завыванием ветра за окном. Ирина Петровна громко охнула и медленно осела на пол, закрыв бледное лицо трясущимися руками. Семен Борисович побледнел так сильно, что его лицо стало сливаться с белеными обоями. Он попытался встать, но ноги не слушались.

— Это... это не мое, — прошептал он пересохшими, побелевшими губами, глядя на кольцо расширенными от ужаса глазами. — Я не знаю, как оно там оказалось. Я клянусь вам всем, я его впервые вижу...

— В протокол, — сухо и победно распорядился Колесников, подходя ближе к подчиненному. Он посмотрел на Елену с плохо скрываемым вызовом, мол, что теперь скажешь, госпожа адвокат. — Золотое кольцо с рубином из официального списка похищенного имущества гражданина Свинцова. Обнаружено в футляре от скрипки, принадлежащем подозреваемому.

Елена почувствовала, как под ногами на какое-то микроскопическое мгновение дрогнул старый паркетный пол. Ситуация стремительно летела в пропасть, разбиваясь о жестокие факты. Улика была неопровержимой и найденной по всем правилам. Но на ее лице, словно высеченном из мрамора, не дрогнул ни один мускул. Глаза оставались холодными и спокойными.

— Вносите, — ровным, почти равнодушным, канцелярским голосом сказала она. — И обязательно укажите в протоколе точное место обнаружения. А также зафиксируйте тот факт, что футляр не был заперт на ключ или код, находился в свободном доступе и мог быть открыт любым человеком, входившим в квартиру.

Колесников хмыкнул, скрипнув зубами от досады на дотошность адвоката, но соответствующую пометку в протоколе сделал.

Следующий час показался вечностью и прошел в гнетущем, липком молчании. Оперативники перевернули все вверх дном, но больше ничего найдено не было. Ни пачек денег, ни остального золота. Впрочем, найденного эксклюзивного кольца было более чем достаточно для ареста.

— Семен Борисович, собирайтесь, — следователь с громким хлопком закрыл толстую картонную папку. — Вы задержаны в порядке статьи 122 УПК РСФСР по подозрению в совершении кражи имущества в особо крупных размерах. Мы едем в отделение.

— Сенья! Нет! — Ирина Петровна бросилась к мужу прямо с пола, обнимая его за худые плечи, прижимаясь к нему всем телом, словно пытаясь закрыть собой от всего жестокого мира. — Леночка, сделай что-нибудь! Он же мухи не обидит! Он не брал!

Елена подошла и мягко, но решительно отстранила рыдающую соседку. Сейчас истерики только усугубляли положение.

— Семен Борисович, возьмите с теплые вещи. Шерстяной свитер, шерстяные носки. Валидол, корвалол, тонометр, если пользуетесь, — она говорила тихо, но с такой внутренней силой, чтобы ее голос пробивался сквозь стену паники стариков. — Запомните главное: ни с кем там не разговаривайте. Никаких показаний, никаких душевных бесед с сокамерниками без моего присутствия. Не подписывайте ни единой бумаги, кроме протокола задержания. В протоколе в графе замечаний собственноручно напишите одну фразу: "С задержанием категорически не согласен, вину не признаю". И поставьте роспись. Вы поняли меня?

Пожилой учитель музыки медленно кивнул. Его длинные пальцы неудержимо тряслись, когда он неловко брал полиэтиленовый пакет с наспех собранными вещами из рук плачущей жены.

Когда за конвоирами и ссутулившимся Семеном Борисовичем тяжело захлопнулась входная дверь, квартира показалась огромной, пустой и вымороженной. Ирина Петровна сидела на разоренном диване, бессмысленно раскачиваясь из стороны в сторону.

Елена прошла на маленькую кухню, включила воду, налила полный стакан холодной воды из-под крана, накапала туда щедрую, двойную порцию валерьянки из флакончика, стоявшего на столешнице, и принесла соседке.

— Пейте. До дна, — тоном, не терпящим возражений, приказала она.

Дождавшись, пока Ирина Петровна стучащими о стекло зубами сделает несколько глотков, Елена села рядом, положив руку на ее колено.

— Послушайте меня внимательно, Ирина Петровна. Я знаю Семена Борисовича много лет. Мы все знаем, что он не мог этого сделать. И мы это докажем.

— Но Леночка... кольцо... — прошептала женщина, глядя пустыми глазами в стену. — Оно же было там. Спрятано в футляре. Как же так?

— Кольцо подбросили, — отрезала Елена жестко и безапелляционно.

Ее мозг, тренированный годами следственной практики, уже работал на полных оборотах, как мощный компьютер, анализируя обрывки информации, позы, взгляды. Кто-то очень грамотно, хладнокровно и расчетливо подставил старика. Тот, кто точно имел доступ к скрипичному футляру. Тот, кто прекрасно знал, что Семен Борисович был в богатом доме Свинцовых в день кражи. И этот кто-то решил спрятаться за спиной безобидного учителя.

— Завтра же утром, к девяти часам, вы привезете мне нотариальную доверенность. Я еду в изолятор к Семену Борисовичу, а затем начинаю работать, — Елена поднялась с дивана, поправляя пальто. — Попытайтесь уснуть. Ему нужна ваша поддержка, а не ваши слезы.

Она вернулась в свою квартиру, закрыв за собой дверь. В прихожей было тихо. Недопитый чай на столе в гостиной давно остыл, покрывшись тонкой мутной радужной пленкой. Елена взяла кружку и вылила содержимое в кухонную раковину. Зимняя декабрьская ночь за окном казалась еще темнее, еще холоднее и враждебнее, чем пару часов назад.

Дело обещало быть сложным и запутанным. Обычный, кристально честный учитель музыки, богатый и влиятельный директор завода, исчезнувшие огромные суммы, тайны чужой семьи и найденное в старом футляре эксклюзивное кольцо. Все видимые обстоятельства складывались категорически против Крючкова. Следователь Колесников явно захочет закрыть дело поскорее, имея на руках такую жирную улику.

Елена оперлась руками о край кухонной столешницы, чувствуя подушечками пальцев холодный гладкий пластик. Внутри просыпался забытый азарт охотника. Она никогда не верила в случайные совпадения. Кто-то решил сыграть в очень грязную, жестокую игру, выбрав на роль жертвы самого слабого и беззащитного.

— Ну что ж, — произнесла она вслух, глядя на свое отражение в темном стекле окна, и ее губы тронула легкая, холодная усмешка. — Посмотрим, кто кого.

Встреча в СИЗО

Утро следующего дня встретило Елену Крылову колючим морозом и низким, свинцовым небом. Острый ветер швырял в лицо пригоршни мелкой ледяной крупы, заставляя глубже прятать подбородок в воротник шерстяного пальто. Здание следственного изолятора, сложенное из потемневшего от времени красного кирпича, возвышалось над заснеженными улицами мрачной громадой. Его тяжелые металлические двери, решетки на окнах и глухие высокие заборы с колючей проволокой дышали безысходностью и казенным холодом.

Внутри пахло хлоркой, старой масляной краской и неистребимым, кислым запахом человеческого страха. Для Елены, проработавшей годы старшим следователем, эти стены были привычной декорацией. Она знала местную систему изнутри, знала, как здесь ломаются люди, и как быстро исчезает иллюзия справедливости, если за нее не бороться зубами.

В тесной комнате для свиданий, разделенной толстым мутным стеклом с мелкой сеткой из проволоки, было зябко. Елена села на жесткий, намертво привинченный к полу табурет, положив на узкий стол свой потертый кожаный портфель. За металлической дверью лязгнул тяжелый засов, и конвойный ввел Семена Борисовича.

Учитель музыки выглядел так, словно за одну ночь постарел на десять лет. Его плечи бессильно опустились, серый домашний свитер, который Ирина Петровна вчера так заботливо положила в пакет, висел на нем мешком. Кожа приобрела болезненный землистый оттенок, а под глазами залегли глубокие темные тени. Длинные, чуткие пальцы, привыкшие извлекать нежные звуки из струн, сейчас мелко дрожали, бесцельно перебирая край рукава. Он опустился на табурет напротив Елены и посмотрел на нее сквозь мутное стекло с таким бездонным отчаянием, что у нее на секунду сжалось сердце.

Для интеллигентного, тонко чувствующего человека, жившего в мире партитур, Моцарта и Чайковского, столкновение с безжалостной государственной машиной правосудия было сродни падению в работающую мясорубку.

— Семен Борисович, — голос Елены прозвучал ровно, уверенно и спокойно, разрезая тяжелую, давящую тишину комнаты. — Посмотрите на меня.

Старик вздрогнул и медленно поднял покрасневшие глаза.

— Елена Николаевна... — его голос дрожал, срываясь на сухой шепот. — Что же это? Как они могут? Меня раздели, забрали шнурки и ремень... Там, в камере, такие страшные люди. Они постоянно курят и спрашивают меня...

— Стоп, — жестко оборвала его Елена. Ей нужно было немедленно вытащить его из этой паники, заставить мозг работать конструктивно. — Слушайте меня очень внимательно. Система слепа. Для них вы сейчас — просто фигурант уголовного дела, галочка в отчете следователя Колесникова. Удобный подозреваемый, которого взяли с поличным. И если мы не докажем обратное, вы уедете в колонию на несколько лет. Поэтому перестаньте себя жалеть. Соберитесь. Мне нужна ваша помощь, чтобы вытащить вас отсюда. Вы меня поняли?

Ее резкость, сродни пощечине, сработала безотказно. Крючков моргнул, перестал тереть рукав, и в его глазах появилось проблеск осознанности. Он тяжело сглотнул, но кивнул.

— Да... Да, я понимаю. Я сделаю все, что скажете. Простите.

— Отлично, — Елена открыла портфель, достала чистый блокнот и ручку с тонким пером. Щелкнула колпачком, приготовившись писать. — Теперь рассказывайте. Все, что произошло вчера. От момента, как вы вышли из дома, и до того, как к вам вломились оперативники. Меня интересуют малейшие детали. Любая, даже самая неочевидная мелочь может стать ключом. Кто, как посмотрел, кто что сказал, где лежал ваш футляр. Понятно? Начнем с семьи Свинцовых. Вы давно у них работаете?

Семен Борисович потер переносицу холодными дрожащими пальцами, пытаясь сосредоточиться на фактах.

— Третий год, — его голос стал немного тверже, хотя все еще выдавал сильное внутреннее напряжение. — Максим Владимирович, директор завода, нанял меня, когда Лизочке исполнилось шестнадцать. Она сама захотела учиться игре на скрипке. Сказала, что это аристократично и модно. Я приезжал к ним домой, в их огромную квартиру на проспекте, стабильно два раза в неделю по вторникам и четвергам.

— Как к вам относились в доме? — Елена быстро делала пометки в блокноте короткими штрихами.

— О, исключительно уважительно, — Семен Борисович даже слегка расправил сторбленные плечи, вспоминая о своем профессиональном достоинстве. — Максим Владимирович всегда здоровался со мной за руку, домработница Мария каждый раз предлагала чай с домашним печеньем. Никакого высокомерия с их стороны. Они очень щедро платили. И мне действительно нравилось заниматься с Лизой.

— Расскажите о ней подробнее. Какая она?

Учитель на несколько секунд задумался, тщательно подбирая слова.

— Лиза... Она довольно сложная девочка. Избалованная деньгами отца, конечно. Своенравная, привыкла получать абсолютно все, что захочет по первому требованию. Может вспылить из-за пустяка или отказаться играть, если просто нет настроения. Но при этом... она добрая. И очень воспитанная. В ней нет злобы или расчетливой подлости. У нее прекрасный музыкальный слух, хотя усидчивости часто не хватает. Я относился к ней с искренней теплотой.

— А кто еще живет в этой квартире?

— Сам Максим Владимирович. Лиза от его первого брака. И еще... Екатерина. Вторая жена Максима Владимировича.

Елена оторвала взгляд от блокнота. В интонации старика, когда он произнес имя "Екатерина", проскользнула легкая, едва уловимая тень дискомфорта и неприязни.

— Что с ней не так? — Елена прищурила глаза, мгновенно уловив этот эмоциональный нюанс.

— В семье... очень непростые отношения, — Семен Борисович тяжело вздохнул, понизив голос, словно боялся, что их могут подслушать даже здесь. — Максим Владимирович постоянно пропадает на своем заводе, занят серьезными делами. А Лиза и Екатерина... они откровенно не ладят. Совсем. Екатерина молода, ей всего тридцать лет, она обожает светские приемы, дорогие наряды, рестораны. Лиза ее на дух не переносит, считает мачеху глупой, жадной хищницей, охотницей за деньгами отца. Они постоянно ссорятся. Я несколько раз, приходя на урок, слышал их страшные скандалы и крики за закрытыми дверями. Обстановка в доме иногда бывала крайне напряженной, воздух буквально звенел.

— Зафиксировали, — кивнула Елена, записывая «конфликт: дочь — мачеха». Мотив для внутренней войны в богатом доме — абсолютная классика жанра. — Теперь перейдем ко вчерашнему дню. Что пошло не так?

Семен Борисович виновато опустил голову, глядя на свои колени.

— Вчера... Вчера я совершил ужасную, непростительную глупость. Я собирался на урок, жена, Ирочка, попросила меня по пути вынести мусор в бак на улице. Я взял пакет с мусором в одну руку, схватил в прихожей футляр от скрипки и пошел. И только когда приехал к Свицковым, снял пальто, а Лиза уже приготовила ноты к занятию, я открыл замок... и понял, что футляр пуст.

Елена перестала писать. В камере повисла густая тишина.

— Пуст? — переспросила она, подняв брови от удивления. — Вы приехали на урок без скрипки?

— Да, — учитель покраснел до корней седых волос, чувствуя невероятный стыд. — Я просто забыл свой инструмент на пианино. Схватил пустой футляр на автомате, захлопнул его и ушел. Старость, Елена Николаевна. Проклятая рассеянность. Это был такой невыразимый позор перед ученицей.

— И как вы вышли из этой ситуации? Занятие отменили?

— Нет. У Лизы есть свой инструмент. Весьма неплохая немецкая учебная скрипка. Мы занимались на ней. Урок прошел совершенно обычно, мы разбирали сложный концерт Вивальди. Лиза была в хорошем настроении, правда, немного рассеянной, часто бросала взгляды на настенные часы.

— Кто еще находился в квартире во время вашего урока?

— Домработница Мария. Она мыла полы в длинном коридоре, когда я только пришел. Больше я никого не видел. Дверь в хозяйскую спальню Максима Владимировича и Екатерины была плотно закрыта. Лиза упомянула, что отец на важной встрече, а мачеха уехала в элитный салон красоты на весь день.

— Что было после окончания урока?

— Мы закончили ровно в шесть часов вечера. Лиза сразу ушла в свою комнату переодеваться — она явно куда-то очень спешила. Я оделся в прихожей, взял свой злосчастный пустой футляр с тумбочки и ушел домой. Приехал около семи часов. Ирина Петровна как раз подавала горячий ужин. Я увидел свою скрипку на крышке пианино, облегченно выдохнул, успокоился, что с ней все в полном порядке. Футляр положил рядом на стул и больше к нему не прикасался. А в начале десятого... в начале десятого в дверь позвонили, и начался весь этот кошмар. Пришли оперативники.

Елена откинулась на спинку неудобного стула, барабанила кончиками пальцев по столешнице. Картина складывалась очень странная, полная противоречий.

Сразу, по окончании урока и ухода учителя обнаружилась пропажа крупной суммы денег наличными из кабинета Лизиного отца и дорогих ювелирных украшений из спальни мачехи. Этим же вечером в отделение полиции поступил звонок из квартиры Свинцовых

— Боже мой... Я ничего не брал! Елена Николаевна, я клянусь здоровьем жены! Как это проклятое кольцо оказалось у меня дома? Как?

— Вот это я и собираюсь выяснить в ближайшее время, — отрезала адвокат ледяным тоном. — Вы не открывали футляр дома. Значит, кто-то положил туда кольцо в квартире Свинцовых. Где именно лежал ваш футляр во время урока?

— В прихожей, на широкой тумбочке возле большого зеркала, — прошептал Семен Борисович, все еще пытаясь осознать происходящее. — Я никогда не заносу его в гостиную, где мы занимаемся, чтобы он не мешал и не путался под ногами.

— Значит, любой человек, который находился в огромной квартире, мог беспрепятственно подойти к нему, открыть щеколду и положить туда кольцо, — констатировала Елена, чувствуя, как разрозненный пазл начинает вырисовывать первые, но уже очень уродливые контуры. — Домработница Мария, пока мыла полы. Сама Лиза, когда выходили в туалет. Или же Екатерина, если она вернулась незаметно для вас.

— Елена Николаевна, — голос Крюкова дрогнул, в нем зазвучала настоящая, глубокая, почти физическая боль. — Я умоляю вас. Спасите мое честное имя. Поверьте, мне не так страшен этот холодный бетонный мешок, решетки и баланда. Но моя профессиональная репутация... Если в консерватории узнают, что меня обвиняют в воровстве... Если по городу пойдут грязные слухи... Я не переживу этого позора. Я честный человек, я ни у кого в жизни копейки чужой не взял.

Елена смотрела на этого старого, наивного человека, который больше переживал за свою репутацию среди коллег в консерватории, чем за реальный срок в колонии строгого режима, который сейчас маячил прямо на его горизонте. Он совершенно не понимал всей чудовищно-

сти ситуации. Молодому следователю Колесникову было глубоко плевать на его репутацию, Моцарта и тонкую душевную организацию. У Колесникова было официальное заявление, был факт присутствия в квартире, и была железобетонная улика, найденная при понятых — кольцо. Дело было практически готово для скорой передачи в суд. И если Елена не разрушит эту конструкцию обвинения, Семен Борисович просто тихо умрет за решеткой.

От нервного, сломленного Крючкова больше не было никакого толка. Он вывернул память наизнанку и рассказал все, что мог. Дальше нужно было действовать самой. И действовать быстро.

— Я вытащу вас, Семен Борисович, — твердо произнесла Елена, убирая блокнот в портфель и защелкивая металлический замок. Это было не просто профессиональное обещание адвоката, это была клятва. — Держитесь. Не падайте духом и не позволяйте им вас сломать. Ирина Петровна передала вам теплые вещи и необходимые лекарства. Если кто-то попытается вас допросить — категорически требуйте моего присутствия. Ни одного слова без меня.

Семен Борисович благодарно кивнул, его глаза снова наполнились слезами, но теперь в них читалась робкая надежда.

Елена вышла из душевой комнаты для свиданий в гулкий коридор, чувствуя, как холодный сквозняк СИЗО обжигает легкие. Ей нужно было срочно собрать картину произошедшего из других источников. Понять, кто и зачем так виртуозно подставил старого учителя. И почему, черт возьми, из всех украденных крупных вещей в его пустом футляре оказалось только одно единственное кольцо.

Она вышла на морозную улицу, туго затянула пояс теплого пальто и решительным шагом направилась к своей машине, припаркованной у высокого серого забора. План действий созрел мгновенно.

Она направляется прямо в логово — к Свинцовым.

Квартира Свинцовых

Элитный дом в самом центре города встретил Елену Крылову показной, агрессивной неприступностью. В двухтысячном году массивные железные двери с хитроумными кодовыми замками и хмурый, бдительный консьерж в теплой будке на первом этаже считались не просто признаком достатка жильцов, а зримым, весомым символом статуса. Лифт, сверкающий свежими чистыми зеркалами и пахнувший дорогим хвойным освежителем воздуха, бесшумно поднял ее на нужный этаж.

Елена уверенно нажала на перламутровую кнопку звонка. Мелодичный, переливающийся звук раздался где-то глубоко в недрах огромной квартиры. Дверь открылась далеко не сразу. Сначала громко щелкнул один тяжелый замок, затем звякнула металлическая цепочка, и на пороге появилась молодая женщина.

Екатерина Свинцова, вторая жена директора крупного завода, выглядела так, словно только что сошла со страниц глянцевого зарубежного журнала. На ней был струящийся шелковый халат глубокого изумрудного цвета, плотно облегающий и подчеркивающий безупречную, точеную фигуру. Идеальная салонная укладка волосок к волоску, легкий, но мастерски нанесенный утренний макияж, тонкий, обволакивающий аромат французских духов, от которого у Елены с непривычки слегка запершило в горле. Женщине было не больше тридцати. Ее холодные, серо-голубые глаза окинули Елену быстрым, оценивающим и слегка презрительным взглядом, на долю секунды зацепившись за строгий, но откровенно недорогой покрой ее драпового пальто.

— Вы опять из милиции? — ее голос прозвучал с легкой, тщательно отрепетированной хрипотцой, лениво и крайне надменно. — Мы же вчера вечером все подробно рассказали вашим мальчикам. Максим Владимирович сейчас на заводе, а я очень спешу.

— Крылова Елена Николаевна. Я адвокат Семена Борисовича Крюкова, — Елена достала свое красное удостоверение, привычным жестом раскрыв его и специально держа так, чтобы в тусклом свете подъезда блеснула золотая печать. — Мне необходимо задать вам несколько важных вопросов. Это напрямую касается судьбы и жизни человека, который в данный момент находится в следственном изоляторе.

Екатерина скривила идеально очерченные губы, словно откусила кусок лимона, и с тяжелым вздохом нехотя отступила в сторону, освобождая проход.

Прихожая поражала своим купеческим размахом. Венецианская штукатурка теплого персикового оттенка на стенах, дорогая итальянская плитка под ногами, огромный, во всю стену, современный шкаф-купе с зеркальными створками. Елена своим цепким профессиональным взглядом сразу заметила массивную тумбу из красного дерева у самого входа — абсолютно идеальное, удобное место для того, чтобы оставить скрипичный футляр. Любой входящий и выходящий неминуемо проходил мимо нее.

— Проходите в гостиную, разуваться не обязательно, — бросила Екатерина через плечо, направляясь по длинному, хорошо освещенному коридору. — Но у вас не больше десяти минут. У меня запись в салон на маникюр, я не могу опаздывать из-за всяких глупостей.

Гостиная была обставлена с тем же кричащим, тяжелым богатством: огромные бежевые кожаные диваны, многоярусная хрустальная люстра под потолком, большой импортный телевизор в углу. Екатерина грациозно опустилась на самый край кресла, закинув ногу на ногу и всем своим видом демонстрируя, насколько ей скучна, неприятна и отвратительна эта беседа.

— Я внимательно слушаю вас, Елена Николаевна. Чем могу помочь вашему... клиенту? — слово "клиент" она произнесла с откровенной брезгливостью, словно речь шла о раздавленном таракане.

— Екатерина, расскажите в деталях о вчерашнем дне. Вы ушли из квартиры до прихода преподавателя музыки? — Елена достала блокнот, полностью игнорируя высокомерный тон хозяйки.

— Разумеется. Я физически не выношу эти жуткие скрипичные пилиликанья, от них невыносимо болит голова и портится настроение. У меня был запланированный обед с подругами в ресторане, потом массаж. Я вернулась домой только к восьми часам вечера. Зашла в квартиру и узнала что у нас находится следователь и в квартире произошла кража. Пропали мои украшения, много украшений и из кабинета мужа тоже пропала очень крупная сумма наличных.

— Вы абсолютно уверены, что кражу совершил именно Семен Борисович? Вы не допускаете даже мысли, что это мог быть кто-то другой?

Екатерина пожалала изящными, хрупкими плечами, поправляя шелковый пояс халата.

— А кто еще? Домработница Машка в тот момент мыла полы, но она работает у нас очень давно, проверенная. А этот ваш старый дед... он вечно ходил, заглядывал во все углы своими слепыми глазами, принохивался. Учителя музыки нынче получают сущие копейки, живут в нищете, вот и позарился на чужое, легкодоступное добро. Что тут вообще удивительного? Елена Николаевна, боже, это так скучно. Его же поймали, кольцо мое нашли прямо у него в футляре. Чего вы от меня хотите добиться? Я не намерена тратить свое личное время на пустую жалость к обыкновенным ворах. Пусть сидит.

Она говорила это абсолютно ровно, гладко, без малейшей тени сомнения, жалости или человеческого сочувствия. Судьба старого, интеллигентного человека, оказавшегося в тюремной камере, волновала эту женщину гораздо меньше, чем сломанный ноготь или пробка на дороге. Елена быстро поняла, что вытянуть из этой надменной, холодной куклы что-то толковое и полезное для следствия не удастся. Эмпатия в базовую комплектацию Екатерины не входила. Она была глуха к чужой беде.

— Я могу поговорить с Елизаветой? — сухо, почти жестко спросила Елена, с щелчком закрывая блокнот.

Екатерина раздраженно закатила глаза к потолку и громко, неожиданно резким, почти базарным голосом крикнула вглубь коридора:

— Лиза! Выйди сюда! К тебе пришли из-за твоего учителя!

Спустя минуту в просторной гостиной появилась Лиза Свинцова. Девятнадцатилетняя девушка была одета в простые домашние велюровые брюки и растянутую, безликую футболку. Ее лицо, свежее и по-юношески угловатое, носило явные следы недавних горьких слез. Глаза были красными и опухшими. В отличие от своей холодной мачехи, Лиза смотрела на адвоката с явным испугом и глубоким чувством вины.

Контраст между двумя этими женщинами бросался в глаза с первых же секунд. В воздухе гостиной мгновенно повисло густое, тяжелое, осязаемое напряжение. Они даже не посмотрели друг на друга, но искры взаимной, ядовитой неприязни, казалось, вот-вот подожгут дорогие кожаные диваны. Семен Борисович вчера несколько не преувеличивал: мачеха и взрослая падчерица терпеть не могли друг друга. Молодая, амбициозная жена, требующая бесконечного внимания и денег от богатого, вечно занятого мужа, и дочь-подросток, отчаянно ревнующая родного отца к этой красивой глянцевої хищнице. Классический семейный треугольник.

— Здравствуйте, — тихо, почти шепотом поздоровалась Лиза, присаживаясь на самый краешек дивана, как можно дальше от Екатерины. — Вы пришли от Семена Борисовича? Как он там? Ему очень плохо в камере?

Елена внимательно, изучающе посмотрела на девушку. В ее дрожащем голосе звучало искреннее, неподдельное беспокойство за судьбу учителя.

— Ему сейчас очень тяжело, Лиза. Он пожилой, больной человек, никогда не видевший тюрьмы. Расскажите мне о вчерашнем дне. Это ведь вы вызвали наряд милиции?

Лиза виновато опустила глаза, нервно и безостановочно теребя пальцами край растянутой футболки.

— Да... Папа был на важном совещании на заводе. Катя... Екатерина, — она запнулась, бросив быстрый, колючий и полный ненависти взгляд на сидящую рядом мачеху, — ушла, как обычно, когда мы с Семеном Борисовичем начинали занятие. Когда Семен Борисович ушел, ч проходила мимо кабинета отца, дверь всегда была закрыта, но в этот раз я увидела, что дверь в кабинет приоткрыта и ящик его стола открыт тоже. Я сильно испугалась и сразу позвонила в милицию.

— И вы сразу, без сомнений, указали на Семена Борисовича? Почему?

Девушка резко подняла глаза, полные крупных, готовых сорваться слез.

— Елена Николаевна, вы поймите, больше было просто некому! Семен Борисович пришел вчера на занятие такой странный, потерянный... Он принес пустой футляр! Представляете? Забыл свою любимую скрипку дома. Он был весь сам не свой. А сразу после его ухода все эти вещи пропали. Я очень, очень уважаю Семена Борисовича! Он прекрасный учитель, умный человек, он так много мне дал за эти годы... Но я же видела, в каких старых, стоптанных ботинках он ходит к нам зимой. Как он аккуратно зашивает дырочки на рукавах своего серого свитера. Наверное, это была крайняя нужда. Пенсии у стариков сейчас мизерные, жена болеет... Он просто не выдержал этой нищеты, глядя на то, как мы живем. Отчаяние толкнуло его на этот ужасный шаг. Я уже сегодня утром звонила папе! Я плакала и просила его забрать заявление из милиции или хотя бы нанять самого лучшего адвоката, чтобы смягчить ему наказание на суде. Я не хочу, чтобы Семен Борисович сидел в настоящей тюрьме!

Елена молча слушала этот сбивчивый, эмоциональный, пропитанный слезами монолог, и ее холодный, аналитический мозг быстро обрабатывал сказанное. Лиза совершенно искренне верила в безоговорочную виновность своего учителя. Она оправдывала его поступок, отчаянно жалела, хотела спасти от сурового наказания, но ни на секунду не сомневалась в самом факте его воровства. Ее логика была простой, детской и железобетонной, основанной на юношеском максимализме и социальных стереотипах о бедных учителях и богатых бизнесменах.

Елена перевела задумчивый взгляд на Екатерину. Та сидела с откровенно скучающим, сонным видом.

Интуиция бывшего старшего следователя, молчавшая до этого момента, вдруг тихо подала голос. Елена поймала себя на парадоксальной мысли, что ни у одной из этих двух женщин нет абсолютно никакого явного мотива для совершения кражи. Они обе буквально купались в деньгах Максима Владимировича. Отец ни в чем не отказывал ни любимой дочери, ни молодой капризной жене. У них были золотые кредитные карты, дорогие иномарки, регулярный отдых за границей. Зачем им воровать пачки наличных и фамильные ювелирные украшения? Чтобы так сложно и подло подставить старика-учителя? Слишком запутано, сложно и откровенно глупо.

Обе женщины говорили так, словно были абсолютно, на сто процентов уверены в своей кристальной правоте. Но в этой вылизанной, идеальной картинке зияла огромная, черная дыра. Было стойкое, царапающее ощущение недосказанности. Будто под этим мягким персиковым ковром ползали жирные, ядовитые змеи, о существовании которых никто в этом доме не хотел говорить вслух чужаку. Елена специально не стала задавать им в лоб прямые, провокационные вопросы об их собственной причастности к краже. Это бы только спугнуло их и заставило закрыться. Пусть считают, что глуповатая женщина-адвокат полностью поверила в их удобные версии. Отрицать их причастность пока было слишком рано.

— Спасибо за вашу откровенность, Лиза, — Елена неспешно поднялась с глубокого кресла, поправляя ремень сумки. — И последний вопрос. Где сейчас находится ваша домработница? Мария, кажется?

Екатерина раздраженно, с присвистом вздохнула, поднимаясь следом и запахивая полы шелкового халата.

— Машка внезапно уехала. У нее там, в какой-то деревне под городом, старая тетка при смерти или вроде того. Отпросилась у Максима на неделю. Сразу же после того, как менты... то есть милиция закончила осмотр и уехала. Да и какой вообще толк от нее? Она у нас уже пять лет полы моет, тихая, забитая, как церковная мышь. Мухи в жизни не обидит, не то что в сейф лезть.

— Ясно, — Елена наглухо застегнула пальто. Пять лет безупречной, тихой работы. Отличные рекомендации хозяев. И внезапный, срочный отъезд к тяжело больной родственнице в глухую деревню ровно в ту ночь, сразу же после крупной кражи. Классическое, затертое до дыр совпадение, в которые Елена Крылова за годы следственной практики не верила категорически.

Она сухо попрощалась с обитательницами квартиры и быстро вышла за дверь, чувствуя, как свежий, морозный сквозняк в подъезде прочищает легкие после приторного, удушающего запаха французских духов Екатерины.

Дверь элитного подъезда тяжело хлопнула за ее спиной, отсекая от мира роскоши. Елена остановилась на заснеженном, очищенном дворниками тротуаре, подняла голову и посмотрела на темные, тонированные окна квартиры Свинцовых. Две искренне ненавидящие друг друга женщины, живущие под одной крышей. Внезапно исчезнувшая тихая домработница. Случайно забытый пустой футляр от старой скрипки. И кольцо, подброшенное бедному старику.

Ей было необходимо найти и поговорить с этой неуловимой Марией. Но как искать иголку в стоге сена деревенской глуши в разгар зимы?

Елена достала из кармана звенящие ключи от машины. Пальцы от резкого холода слушались плохо.

"Пора собирать военный совет в Бюро, — подумала она, с усилием открывая промерзшую дверцу автомобиля. — Без горячего чая и свежего, незамыленного взгляда Анны с Мариной мне эту задачку точно не распутать".

СВИНЦОВ

Ветер с реки швырял в лобовое стекло мелкую колючую крошку, предвещая долгую и безжалостную зиму. Декабрь в этом году выдался злым, бесснежным, вымораживающим город до самых костей, заставляя людей прятать лица в шарфы и ускорять шаг. Елена свернула на объездную дорогу, уводящую к промышленной зоне, подальше от спальных районов с их тусклыми фонарями и редкими прохожими. Темнота здесь казалась гуще, разбавленная лишь пятнами прожекторов, выхватывающих из мрака куски серого бетона. Справа тянулись бесконечные заборы с мотками ржавой колючей проволоки, слева угадывались темные громады цехов, трубы которых тяжело дышали в морозное небо. Завод, которым руководил Максим Владимирович Свинцов, производил сложное промышленное оборудование и, судя по всему, жил в своем собственном непрерывном ритме, игнорируя смену дня и ночи.

Елена специально выбрала для визита вечернее время. Свинцов славился тем, что дневал и ночевал на работе. По словам соседей и знакомых, он был человеком дела, предпочитающим гул станков домашнему уюту. Для Елены это был несомненный плюс. Сейчас шанс застать его в одиночестве, без бдительного ока молодой жены и без необходимости отвлекаться на домашние неурядицы, был максимальным. Ей нужна была именно рабочая обстановка, та самая среда обитания, где человек невольно снимает домашнюю маску и показывает свое истинное лицо — лицо руководителя, привыкшего командовать, подчинять и не терпеть возражений. Ей нужно было понять, с кем именно она имеет дело, чтобы выстроить линию защиты для Семена Борисовича Крючкова.

Проходная встретила ее запахом застарелой мастики, мокрых ватников и дешевого растворимого кофе. Пожилой охранник в мешковатой черной форме, поверх которой был накинут тулуп, долго и подозрительно изучал адвокатское удостоверение Елены. Он несколько раз перевел взгляд с фотографии на оригинал, словно не веря, что молодая привлекательная женщина в строгом зимнем пальто может иметь какое-то отношение к серьезным юридическим делам. Наконец он неохотно снял тяжелую трубку допотопного дискового телефона черного цвета.

— К директору. Адвокат, — буркнул он в трубку сильным голосом и, получив утвердительный ответ на том конце провода, кивнул Елене на турникет. — Третий этаж, направо до самого конца по коридору.

Административный корпус дышал холодом, казенной пустотой и тем специфическим заводским запахом, который въедается в стены десятилетиями. Шаги Елены звонким эхом отскакивали от высоких потолков и терялись в полумраке длинного коридора. Тусклые люминесцентные лампы мигали, издавая неприятный монотонный треск. Кабинет директора находился в самом конце этого мрачного туннеля. Приемная, в которую вошла Елена, оказалась пуста. Стол секретарши, заставленный стопками пухлых картонных папок и украшенный увядающим фикусом в глиняном горшке, выглядел покинутым еще несколько часов назад. На столе сиротливо стоял выключенный пузатый монитор старого компьютера и аппарат факса. Зато из-за массивной дубовой двери, обитой темным дерматином, отчетливо доносились голоса. Дверь была неплотно прикрыта, и в узкую щель пробивалась острая полоска яркого электрического света.

Елена замерла на полпути к двери, невольно прислушиваясь. Бывший следователь внутри нее никогда не спал, и профессиональная привычка собирать информацию там, где она лежит на поверхности, сработала быстрее светских правил хорошего тона.

— Вы мне эти графики не суйте под нос, Валерий Ильич, — голос директора звучал ровно, глухо, но с такой внутренней тяжестью, что, казалось, от него сейчас завибрирует

мебель. — Я умею читать цифры без ваших картинок. И цифры мне говорят предельно ясно: у нас дыра в оборотном капитале.

— Максим Владимирович, но мы же ждем перевода от смежников из Новосибирска... — второй голос, судя по всему, принадлежал бухгалтеру. Он был высоким, срывающимся, полным суетливого оправдания человека, которого загнали в угол. — Налоги мы на этой неделе закрыли, слава богу, но вот задолженность за металлопрокат... Поставщики грозятся остановить отгрузку.

— Меня совершенно не интересуют ваши «но», Валерий Ильич. Меня интересует конечный результат. Смежники задерживают оплату — значит, звоните им каждый час. Сидите на телефоне, ночуйте в переговорной. Отключат электричество за неуплату — вы лично пойдете крутить динамо-машину педалями. Завод не должен встать.

— Но ведь кредитная линия... Вы говорили, что вопрос с банком почти решен...

— Кредитной линии не будет, — отчеканил Свинцов ледяным тоном. — Банк заморозил рассмотрение заявки до конца месяца. И вы прекрасно знаете, почему. У нас кассовый разрыв, который мы не можем перекрыть текущими поступлениями.

— Я пытался перераспределить средства со счетов фонда заработной платы...

— Вы пытались прикрыть свою управленческую импотенцию красивыми отчетами! — голос директора наконец-то лязгнул металлом. — У меня оборудование простаивает на третьем участке. Люди ждут зарплату, и если я им ее не выдам в пятницу, они устроят забастовку, и будут правы. Идите, Валерий Ильич. И чтобы завтра к восьми ноль-ноль у меня на столе лежал реальный, поэтапный план выхода из этого штопора. План, обеспеченный цифрами. А не ваши фантазии на тему дебета и кредита.

Дверь резко распахнулась. Елена едва успела сделать бесшумный шаг назад, сливаясь с тенью у шкафа. Из кабинета, тяжело дыша, вылетел невысокий лысеющий мужчина в помятом костюме, судорожно прижимая к груди пухлую кожаную папку с документами. Его лицо покрывали красные нездоровые пятна, а на лбу, несмотря на холод в помещении, блестела крупная испарина. Он мазнул по Елене незрячим, остекленевшим взглядом, словно она была лишь предметом интерьера, и торопливо засеменил к выходу из приемной, тихо бормоча под нос какие-то обрывки фраз.

Елена выждала ровно десять секунд, давая директору время выдохнуть и успокоить нервы после неприятного разговора, затем подошла к двери и уверенно постучала два раза.

— Я же сказал, до завтра! — рявкнул голос из кабинета, не предвещавший ничего хорошего.

— Обещаю не задерживаться до утра, — спокойно произнесла Елена, переступая порог и закрывая за собой дверь.

Кабинет впечатлял своими размерами и полным отсутствием какого-либо намека на уют или стремление к роскоши. Никаких мягких кожаных кресел для почетных гостей, никаких дорогих картин на стенах или декоративных растений. Вдоль стен тянулись бесконечные стеллажи, забитые толстыми папками-скоросшивателями и рулонами технической документации. В углу массивным серым айсбергом возвышался несгораемый сейф еще советских времен. На огромном столе Т-образной формы царил идеальный порядок: стопки чертежей, органайзер с заточенными карандашами и массивный монитор компьютера.

Максим Владимирович Свинцов стоял у окна спиной к двери, заложив руки за спину. Услышав незнакомый женский голос, он медленно обернулся. Это был крупный мужчина лет сорока с небольшим, с тяжелой линией подбородка, короткой стрижкой и совершенно холодными, выцветшими светлыми глазами. Рукава его светлой, идеально выглаженной рубашки были закатаны до локтей, обнажая сильные, жилистые предплечья с крупными часами на левом запястье. Никакой усталости, растерянности или раздражения после только что завершеного тяжелого разговора с бухгалтером на его лице не читалось. Только абсолютная собранность..

— Вы кто? — он не повысил голоса, но интонация резанула слух своей требовательностью. Охрана, видимо, не удосужилась назвать ее фамилию, ограничившись должностью.

— Меня зовут Елена Крылова. Я адвокат Семена Борисовича Крючкова, — она представилась, глядя ему прямо в глаза, не отводя взгляда.

Ни один мускул не дрогнул на лице Свинцова. Он лишь слегка прищурился, оценивающе изучая Елену с ног до головы, словно прикидывая ее запас прочности.

— Вот как, — наконец произнес он. Отойдя от окна, директор сел за свой массивный стол и указал Елене на жесткий деревянный стул для посетителей. — Садитесь. Хотя я решительно не понимаю, зачем вы приехали. И уж тем более, зачем тратить мое личное время. Все, что необходимо было сказать по этому неприятному инциденту, я уже изложил следователю под протокол.

Елена опустилась на стул. Твердая спинка неудобно врезалась в лопатки, словно намекая, что долго засиживаться здесь не предполагается. Она расстегнула пальто, не торопясь начинать разговор.

— Следователь делает свою работу, Максим Владимирович, а я — свою. Мой подзащитный категорически утверждает, что не брал ваших денег и драгоценностей. И мне, как его защитнику, необходимо составить полную картину, понять, как именно развивались события в тот день в вашем доме.

— В тот день у нас из сейфа пропала крупная сумма денег наличными, — Свинцов сцепил пальцы в замок и тяжело положил руки на стол. — И пропали золотые украшения моей жены. Крючков был в доме. Он давал очередной урок игры на скрипке моей дочери. Деньги и ценности находились в моем домашнем кабинете, куда Крючков имел прямой доступ, так как занятия проходили рядом. Учитель просто воспользовался моментом, когда никого не было поблизости. Это элементарная математика, Елена. Задача с одним неизвестным, и ответ уже найден.

Елена внимательно сканировала лицо собеседника. В нем не было ни злости, ни обиды на человека, который якобы обворовал его семью. Свинцов говорил о краже из собственного дома точно так же, как только что говорил о кассовом разрыве на заводе — как о досадной технической неполадке, сбое в программе, который нужно просто алгоритмично устранить.

— Вас совершенно не смущает тот факт, что Семен Борисович — пожилой, глубоко интеллигентный человек, всю свою сознательную жизнь проработавший в музыкальной школе?

— Меня смущают только неработающие или бракованные механизмы, — парировал Свинцов, слегка подавшись вперед. — А люди — это такие же механизмы, просто биологические. Если создать правильные условия давления, любая деталь может дать трещину и сбой. Ваш Крючков оказался просто слабой деталью в тот момент.

— Почему вы сделали такой однозначный вывод? Только из-за его присутствия в доме?

— Потому что у него был четкий, стопроцентный мотив. Мотив, подкрепленный острой жизненной необходимостью, — Свинцов выдвинул верхний ящик стола, достал оттуда массивный металлический портсигар, но открывать не стал. Он просто начал вертеть его в сильных пальцах, словно это действие помогало ему концентрировать мысли.

— Вы ведь наверняка уже в курсе, Елена, что у нашего глубокоуважаемого маэстро висел на шее огромный кредит?

— Знаю, — кивнула она, внутренне подбираясь. — Он пытался помочь своим родственникам в сложной ситуации.

— Мне нет абсолютно никакого дела до его безалаберных родственников. Мне есть дело только до голых фактов. А факты таковы, что банк начал угрожать ему судом и конфискацией имущества. Старик был в самой настоящей панике. Он не знал, где взять деньги на очередной

ежемесячный платеж. Знаете, откуда я обладаю такой точной информацией? Да потому что он приходил ко мне. Сюда, в этот самый кабинет.

Елена ощутила легкий холодок. Это была абсолютно новая информация, которой не было ни в материалах дела, ни в рассказах самого Крючкова. Семен Борисович, этот тихий и гордый старик, ничего не упоминал о том, что был вынужден просить в долг у отца своей ученицы.

— Он просил у вас деньги взаймы? — уточнила она, следя за реакцией директора.

— Именно, — Свинцов усмехнулся. В его усмешке не было ни капли веселья или сочувствия, лишь констатация факта. — Пришел, мялся у порога, долго не мог подобрать слов, постоянно опускал глаза в пол. Рассказывал долгую и слезливую историю про какие-то непредвиденные семейные обстоятельства. Я дал ему денег. Ровно на один платеж по кредиту. Я не благотворительная организация, чтобы оплачивать чужие финансовые ошибки, но Лиза, моя дочь, к нему сильно привязалась. Он хороший преподаватель. Я решил сделать жест доброй воли, чтобы он успокоился и продолжил нормально работать.

Свинцов замолчал, металл портсигара блеснул в свете настольной лампы. Он давал Елене время переварить услышанное, уверенный в убойности своего аргумента.

— И вы искренне считаете, что человек, которому вы только что помогли в трудную минуту, решил отплатить вам за доброту банальной кражей? — спросила она, стараясь, чтобы ее голос звучал максимально нейтрально и профессионально.

— Я не мыслю категориями добра и зла, адвокат. Я считаю, что человек, дошедший до грани отчаяния, не способен мыслить категориями благодарности или морали. Он мыслит исключительно категориями выживания. У него снова подошел срок оплаты банку. Денег по-прежнему не было. Он оказался в моем кабинете, увидел деньги и не смог устоять. Крючков — единственный человек в доме, у которого были и острейший мотив, и физическая возможность это совершить.

Елена невольно вспомнила недавний, полный отчаяния разговор Свинцова с бухгалтером в приемной. Кассовый разрыв. Замороженная кредитная линия. Долги поставщикам.

— Вы так легко и уверенно оперируете мотивами и возможностями, Максим Владимирович. А давайте посмотрим шире. Разве у кого-то еще в вашем ближайшем окружении не могло быть серьезных финансовых трудностей? У домашней прислуги, например? Или, возможно, у вас самого дела обстоят не так радужно, как кажется?

Глаза Свинцова мгновенно сузились, превратившись в две ледяные щели. В них блеснула опасная, не терпящая возражений сталь. Портсигар замер в его пальцах.

— Вы переходите границы дозволенного, адвокат, — его голос стал на полтона ниже, словно затаивший дыхание хищник. — Мои финансовые дела вас абсолютно не касаются. То, что происходит у меня на производстве, остается исключительно на производстве. А то, что происходит у меня дома — расследует милиция. И я не потерплю инсинуаций на этот счет.

Он резко поднялся из-за стола, нависая над ним всей своей массой, всем своим видом давая понять, что аудиенция окончена. Елена тоже спокойно встала, поправила пальто. Она получила более чем достаточно информации. Свинцов выстроил в своей прагматичной голове логическую цепочку, и любые отклонения от нее он будет отсекал безжалостно. Он сам для себя определил виновного. Вынес приговор. И теперь просто ждал, когда неповоротливая государственная машина пережует старого учителя и выдаст ожидаемый результат.

— Вы привыкли иметь дело с точными машинами и подчиненными вам цифрами, Максим Владимирович, — тихо, но твердо сказала Елена, подходя к двери и кладя руку на холодную ручку. — Но человеческая психика — это не шестеренка в станке. Иногда самые безупречные логические конструкции рушатся в одночасье из-за одной маленькой, но неучтенной детали.

— В моем бизнесе неучтенных деталей не бывает. Как и в моей жизни, — отрезал Свинцов, возвращаясь к окну. — Всего доброго. И мой вам бесплатный совет, как профессио-

нал профессионалу: не тратьте свое время на пустые фантазии и построение ложных теорий. Ищите деньги. Если ваш клиент добровольно их вернет в полном объеме, я, так и быть, возможно, попрошу следователя о снисхождении. В противном случае он сядет. И сядет надолго. Это я вам гарантирую.

Выйдя из удушающего кабинета в пустой холодный коридор, Елена ощутила, как напряжение, сковывавшее мышцы спины, медленно отступает. Встреча со Свинцовым оказалась похожа на случайный контакт с оголенным высоковольтным проводом — контакт обжигающий, гудящий от скрытой энергии. Она медленно пошла по вымершему зданию к лестнице, вслушиваясь в стук собственных каблучков.

В голове непрерывным циклом крутились жесткие слова директора. Он дал Крючкову денег в долг на погашение кредита. Это был действительно мощный, аргумент в пользу того, что старик был доведен до ручки, находился в отчаянном положении. И следствие обязательно зацепится за этот факт мертвой хваткой. Для милиции мотив теперь очевиден как никогда.

Но Елену, с ее многолетним опытом следователя, упорно не отпускало стойкое чувство фальши. Фальшь сквозила не в самих словах Свинцова — он как раз транслировал ровно то, во что абсолютно искренне верил, его картина мира была цельной. Фальшь скрывалась в самом раскладе.

Если огромный завод испытывает такие трудности с оборотным капиталом, если нет денег на металл и банк замораживает кредиты, почему генеральный директор держит дома огромную сумму наличными? Зачем ему мертвым грузом хранить эти деньги дома, если производство буквально задыхается без финансовых вливаний? Любой прагматик вроде Свинцова первым делом бросил бы эту наличку на затыкание дыр, чтобы не остановить конвейер.

Холодный, пронизывающий ветер на заводской стоянке мгновенно выстудил остатки тепла, но Елена даже не поежилась. Она достала ключи от машины, сжав холодный металл в руке. Пазл не складывался. Свинцов — жесткий, до мозга костей рациональный прагматик. Он никогда не стал бы изымать живые деньги из оборота без сверхвеской причины. Значит, эти пропавшие деньги предназначались для чего-то очень важного и, скорее всего, теневого. Взятка? Черный нал поставщикам? Или...

Ее осенила внезапная, парадоксальная мысль. Или этих денег в сейфе вообще не было в тот день.

Она села за руль, вставила ключ в замок зажигания, но заводить мотор не спешила, вглядываясь в лобовое стекло. Темный, ошетилившийся трубами силуэт завода нависал над ней в ночном небе, словно огромный молчаливый свидетель чужих темных тайн. Максим Владимирович Свинцов считает себя идеальным механизмом, контролирующим все процессы вокруг. Но любой механизм, даже самый надежный, однажды обязательно дает сбой из-за усталости металла. Осталось только найти ту самую шестеренку, которая застряла в этой безупречной машине и привела к трагедии. И профессиональное чутье подсказывало Елене, что искать эту шестеренку нужно не в бедности и отчаянии старого учителя музыки, а в запутанных, сложных делах самого господина директора.

Сомнения

Кухня Елены была тем самым местом, где холодный, выстуженный пронзительными ветрами город оставался за толстым стеклом стеклопакета, уступая место теплу, аромату свежемолотого кофе и интеллектуальным баталиям. Декабрьская стужа билась в окно мелкой ледяной крупой, но здесь, под абажуром мягкого медового цвета, царил уют. Елена обхватила обеими руками пузатую керамическую чашку, согревая замерзшие пальцы. Шерстяной свитер крупной вязки приятно колот кожу, возвращая ощущение физического комфорта и безопасности.

За круглым дубовым столом, заваленным распечатками из материалов дела и блокнотами, уже заняли свои места подруги. Своеобразный неофициальный штаб, который они в шутку окрестили следственным бюро «Вечерний чай», начал свою работу.

— Итак, наш железный дровосек оказался с изъяном, — резюмировала Анна Лебедева. Филолог, преподаватель литературы, она имела привычку препарировать жизненные ситуации с той же безжалостной хирургической точностью, с какой разбирала тексты классиков на своих семинарах. Анна сидела с идеально прямой спиной, аккуратно помешивая ложечкой свой крепкий чай без сахара. — Кассовый разрыв, долги поставщикам, срывающиеся контракты. Для человека, который мнит себя идеальным контролирующим механизмом, это не просто кризис. Это крушение основы его картины мира.

— И при всем при этом он хранит дома гору наличности и бриллианты жены, — Елена сделала глоток кофе, обжигая язык горечью. — Я видела его сегодня, Аня. Свинцов — прагматик до мозга костей. У него завод буквально задыхается без оборотных средств, а он держит мертвый капитал дома. Это абсолютно нелогично. Это противоречит самой его природе.

— Логика заканчивается там, где начинаются тайны мадридского двора, — подала голос Марина Вересова. Владелица успешного ателье, Марина всегда обращала внимание на то, что другие упускали из виду: на микромимику, интонации, несоответствие произносимых слов и неосознанных жестов. Она откинулась на спинку стула, задумчиво накручивая на палец прядь своих роскошных темных волос. — Девочки, вы не туда смотрите. Проблема Свинцова не в заводе. Проблема в его семье.

Елена вопросительно подняла бровь, приготовившись слушать.

— Обоснуй.

— Вспомни показания его молодой жены, Екатерины, — Марина подалась вперед, глаза ее загорелись азартом ищейки, почуявшей свежий след. — Когда она описывала следователю тот вечер, она обронила одну очень интересную, показательную деталь. Максима не было дома, когда пропали деньги. Лиза, его дочь, обнаружила пропажу и тут же, в панике, вызвала милицию. А когда на пороге появился разъяренный Свинцов, он... Что он сделал первым делом, Лена?

— Устроил грандиозный скандал Лизе за самоуправство, — медленно проговорила Елена, восстанавливая в памяти сухие строчки протоколов и слова самой Екатерины, сказанные вскользь.

— Бинго! — Марина торжествующе хлопнула изящной ладонью по столу. — Подумайте сами. Свинцов — жесткий, авторитарный мужик, который на заводе за опоздание на пять минут готов стереть подчиненного в порошок. У него из собственного дома крадут огромные деньги. А он, вместо того чтобы лично выбивать из подозреваемого Крюкова признание или радоваться, что милицейские ищейки уже идут по следу вора, орет на дочь за то, что она позвонила в органы! Екатерина тогда еще сказала, жалуясь на тяжелый характер мужа: «Максим кричал, что нужно было сначала разобраться самим, по-семейному, а не выносить сор из избы».

Анна поправила очки в тонкой золотой оправе на переносице, глаза ее блеснули интеллектуальным удовольствием.

— «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастная семья несчастлива по-своему», — процитировала она с легкой ироничной усмешкой. — Лев Николаевич знал толк в семейных скелетах. Свинцов категорически не хотел вмешательства милиции. Почему? Потому что боялся огласки.

— Чего именно он боится? — Елена поставила чашку на стол. Внутри нее начал с гулом раскручиваться маховик аналитики.

— Того, что вор — вовсе не Крючков, — закончила мысль Анна, плавно разрезая воздух рукой. — Свинцов знает, что старый учитель здесь ни при чем. Или, по крайней мере, сильно подозревает это. Если бы он был стопроцентно уверен, что это Крючков, он бы сам сдал его с потрохами и проследил, чтобы старика посадили. Но он хотел «разобраться по-семейному». Значит, он подозревает кого-то из своих. Из ближнего круга. Жену. Или дочь.

— И когда приехала оперативная группа, деваться ему было уже некуда, — подхватила Елена, чувствуя, как разрозненные фрагменты головоломки начинают со щелчком складываться в новую, куда более сложную и мрачную картину. — Машина правосудия закрутилась. Ему пришлось назначить виновного, чтобы отвести удар от семьи. И Семен Борисович подошел на эту роль просто идеально. Бедный, с просроченным кредитом, был в доме в момент кражи. Классический козел отпущения.

— Именно, — кивнула Марина. — Свинцов сейчас пытается защитить свой ближний круг. Оцепить территорию колючей проволокой. Заметьте, он ведь вообще не высказывает никаких подозрений ни к кому, кроме учителя музыки. Он как танк, прет по одной колее. У него броня в палец толщиной. Он не пускает никого к своим женщинам, отсекает любые вопросы следователя о семье. Он ведет себя так, будто страшно боится, что тень упадет на его близких, боясь раскрытия каких-то постыдных тайн.

— Значит, у этих женщин в семье Свинцовых явно есть второе дно, — задумчиво произнесла Анна, чертя аккуратным ногтем невидимые узоры на деревянной столешнице. — И Максим Владимирович прекрасно об этом осведомлен. Просто он предпочитает не выносить свою грязь на суд общественности.

— Кстати, о втором дне и тайнах, — Елена достала из папки несколько листов с записями и разложила их перед подругами. — Помните, что говорила Лиза про свою молодую мачеху? Про частые и необъяснимые отлучки Екатерины.

— О, да, — фыркнула Марина, отпивая чай. — «Постоянно пропадает по салонам красоты и бутикам, а новых вещей в гардеробе почему-то не прибавляется». Я, как владелица ателье, через которое проходят сотни женщин, могу вам авторитетно заявить: женщина не может тратить по полдня на шопинг и возвращаться домой без шуршащих пакетов. Разве что она ходит по магазинам исключительно ради того, чтобы померить вещи и уйти, что в случае с обеспеченной Екатериной звучит смешно.

— Если она не на шопинге и не в спа-салоне, то где она проводит время? — задала риторический вопрос Анна, глядя поверх очков. — Тайный любовник? Крупные карточные долги в подпольном казино? Шантаж?

— Вот это нам и предстоит выяснить в первую очередь, — Елена решительно сдвинула бумаги в стопку. — Мне необходимо поговорить с Екатериной наедине. Без нависающего Свинцова, без колючей Лизы. И желательно не на их территории, где она чувствует себя в безопасности за каменной стеной мужа. Нужно выдернуть ее из привычной, комфортной среды и задать пару очень неудобных вопросов в лоб.

— Только будь предельно осторожна, Лена, — предупредила Марина, резко посерьезнев. — Такие холеные женщины, как Екатерина, внешне выглядят как безобидные декоративные

пудели, но если загнать их в угол и пригрозить лишением комфорта, они начинают кусаться как разъяренные бультерьеры.

Над кухней повисла тяжелая, вязкая пауза. Только глухо и монотонно шумел старенький холодильник, да за окном тоскливо завывал зимний ветер, швыряя снег в стекло. Елена с силой потеряла виски, чувствуя, как от напряжения последних дней начинает зарождаться тупая головная боль.

Она должна была защищать Крючкова. Верить своему подзащитному безоговорочно — это базовое, негласное правило любого адвоката, особенно когда берешься за «безнадежное» дело, основанное на эмоциях и обостренном чувстве справедливости. Но бывший старший следователь внутри нее требовал сухих фактов, а факты упрямо не хотели складываться в безупречную, кристально чистую картину невиновности старого музыканта.

— Девочки... — Елена понизила голос, словно признаваясь подругам в чем-то постыдном и запретном. — Есть еще одна серьезная проблема. Которая не дает мне спокойно спать.

Анна и Марина переглянулись, их радары мгновенно уловили смену настроения Елены.

— Кольцо? — коротко, как выстрел, спросила Анна.

Елена тяжело кивнула.

— Да. Золотое кольцо с бриллиантом из украденного гарнитура Екатерины. Его ведь нашли не где-нибудь в коридоре, а на самом дне в футляре скрипки Семена Борисовича. И оно физически попало туда, но в какой момент?

— Его могли подбросить в квартире, — пожала плечами Марина, защищая выстроенную ими стройную теорию.

— Могли, — неохотно согласилась Елена, сводя брови к переносице. — Но как технически? Футляр находился в комнате, где шли занятия. Крючков практически не выпускал его из виду. А потом он забрал скрипку и сразу ушел. Подбросить кольцо можно было только в очень узкий, буквально минутный промежуток времени. Но это даже не самое главное, что меня тревожит.

Она встала из-за стола, подошла к окну, прижавшись лбом к холодному, запотевшему стеклу. Физиологический холод всегда немного прояснял ее мысли, останавливая эмоции.

— Меня беспокоит сам Семен Борисович, — произнесла Елена, глядя в непроглядную темноту двора. — Я видела его вчера на свидании в СИЗО. Он сдает на глазах. И он нервничает. Причем нервничает совершенно не так, как человек, которого ложно, несправедливо обвинили в чудовищном преступлении. Он... он ведет себя так, как будто чего-то не договаривает. Как будто внутри него сидит страх разоблачения.

— Поясни, — сухо потребовала Анна, доставая из сумочки свой рабочий блокнот и шариковую ручку.

— Когда я прямо спрашиваю его о том, как кольцо оказалось в футляре, он начинает суесться. У него мелкой дрожью трясутся пальцы, он постоянно прячет глаза, на лбу мгновенно выступает холодная испарина. Он не возмущается абсурдностью обвинения, не кричит о том, что это грязная подстава и провокация. Он просто бубнит себе под нос одну и ту же заученную фразу, как мантру: «Я не понимаю, как это могло произойти. Не понимаю. Как оно туда попало?». Понимаете?

Елена резко обернулась к подругам. В ее глазах плескалась боль от зарождающегося недоверия.

— Свинцов дал ему денег в долг. То есть Семен Борисович был в отчаянном, положении из-за просроченного кредита. Он был прижат к стенке коллекторами. Да, мы все знаем, что он глубоко интеллигентный, добрый, мягкий человек. Но я за годы работы в следственном управлении посмотрела на то, как самые хорошие, светлые люди ломаются под тяжестью непреодолимых обстоятельств. Отчаяние — это страшный, разрушительный мотиватор. Что,

если Свинцов со своей холодной логикой прав? Что, если Крючков действительно не выдержал давления? Увидел открытой дверь кабинета, увидел эти шальные деньги, понял, что это возможность решить все свои проблемы одним разом...

Марина недовольно нахмурилась, явно не желая расставаться с образом благородного страдальца-музыканта.

— Лена, но это же в корне рушит всю твою выстроенную линию защиты.

— Моя линия защиты должна строиться на правде, какой бы горькой и неприглядной она ни была, — жестко ответила Елена, возвращаясь к столу. — Я не могу идти в суд с закрытыми глазами, опираясь только на эмоции. Если он виновен, я буду профессионально добиваться смягчения приговора с учетом его возраста и тяжелых жизненных обстоятельств. Но если я буду с пеной у рта биться за его полное, безоговорочное оправдание, а государственный обвинитель вытащит из рукава туз, который Крючков от меня утаил... мы проиграем всё. И он получит максимальный срок.

— И что ты собираешься делать с этими сомнениями? — спросила Анна, аккуратно закрывая блокнот.

— Проверять. Досканально проверять всё и всех, — Елена взяла чашку с уже остывшим кофе и сделала большой глоток. — Свинцова, его странную жену, дочь, болтливую домработницу. И самого Семена Борисовича, как бы мне не хотелось верить в его святость. Завтра же утром я поеду в его банк и узнаю всю финансовую подноготную по кредиту нашего маэстро. Насколько глубоко он увяз в долговой яме, и были ли у него другие, легальные пути выхода, кроме банальной кражи. А заодно... — она криво, плотоядно усмехнулась, — нужно устроить Екатерине Свинцовой «случайную» встречу в городе. Вдали от ее комфортной домашней крепости и бдительного ока могущественного мужа. Пора заставить эту идеальную семью понервничать. Посмотрим, кто из них сорвется и сделает ошибку первым.

Анна одобрительно кивнула, поправляя очки, а Марина потеряла ладони в предвкушении активных действий. Следственное бюро «Вечерний чай» взяло свежий след, и остановить этих трех женщин теперь было невозможно.

Разговор с Екатериной

Офис Елены Крыловой, расположенный на первом этаже старого, дореволюционного купеческого особняка, разительно отличался от стерильных, безликих кабинетов преуспевающих адвокатских контор новой волны. Здесь не было черных кожаных диванов, сверкающих хромированных столов и надменных секретарш с модельными ногами. Комната дышала историей и тихой, уверенной рабочей атмосферой, которая с порога давала понять клиенту: здесь решаются серьезные проблемы, а не пускается пыль в глаза. Старый дубовый паркет, помнивший еще купцов первой гильдии, слегка поскрипывал под ногами, отзываясь на каждый шаг. Вдоль стен плотными рядами выстроились массивные книжные шкафы, забитые юридической литературой, кодексами с закладками и пухлыми картонными папками с закрытыми делами. В воздухе висел тяжелый, основательный запах старого бумажного архива, крепкого свежесваренного черного кофе и едва уловимо — терпких, дорогих духов самой Елены.

Елена Крылова специально пригласила Екатерину Свинцову именно сюда, на свою территорию. Ей было необходимо выдернуть молодую жену директора завода из-под надежного крыла могущественного мужа, забрать ее из золотой клетки роскошной квартиры. Елене нужно было лишить женщину привычной, комфортной опоры, заставить ее играть на чужом, незнакомом поле. Острый ум и интуиция подсказывали бывшему следователю, что вся эта напускная холодность, надменность и отстраненность мачехи Лизы — лишь искусно выстроенный защитный панцирь. Елене хотелось вскрыть этот гламурный панцирь скальпелем фактов и посмотреть на настоящую Екатерину, на те скрытые мотивы, которые двигали этой женщиной.

Тяжелая входная дверь скрипнула, приоткрываясь и впуская вместе с Екатериной волну обжигающего морозного воздуха с улицы и тонкий, изысканный аромат французского парфюма, который мгновенно заполнил тесное пространство офиса. Свинцова выглядела абсолютно безупречно: длинное темное норковое мантио, подчеркивающее стройную фигуру, изящные зимние сапоги на высоком тонком каблуке, идеальная салонная укладка волос волосок к волоску. Однако в том, как неуверенно она переступила порог, как настороженно и быстро скользнула взглядом по корешкам старых, потрепанных кодексов и стопкам бумаг, Елена безошибочно прочитала скрытую, подавляемую нервозность. Екатерина явно чувствовала себя не в своей тарелке в этом царстве сухой юриспруденции.

— Проходите, Екатерина. Рада, что вы нашли время, — Елена поднялась из-за стола навстречу гостье, указывая жестом на деревянный стул для посетителей. Жесткий, с прямой деревянной спинкой, он совершенно не располагал к расслабленным, светским беседам и заставлял человека держать осанку и быть в тонусе. — Располагайтесь. Кофе? Или, может быть, горячий чай с мороза?

— Нет, благодарю, не стоит утруждаться, — Екатерина аккуратно присела на краешек стула, брезгливо расправив полы драгоценного мантио на коленях. Снимать верхнюю одежду она не стала, словно инстинктивно отгораживаясь от адвоката слоем дорогого меха, как щитом. — Вы были крайне настойчивы по телефону, Елена. Надеюсь, причина нашей экстренной встречи действительно веская. У меня сегодня еще плотный график, запись в салон и встреча с дизайнером.

— Салон красоты и дизайнер вполне могут немного подождать, — Елена плавно опустилась за свой массивный рабочий стол и сцепила пальцы в замок, опираясь локтями о столешницу. Взгляд ее карих глаз стал жестким, профессиональным. — Речь идет о деле, в котором ваш законный супруг выступает потерпевшим, потерявшим огромную сумму денег, а мой подзащитный, старый больной человек — главным обвиняемым. Я очень ценю ваше время, Екатерина, поэтому не стану ходить вокруг да около и перейду прямо к сути нашего разговора.

Елена выдвинула тяжелый ящик стола и достала на свет тонкую, ничем не примечательную пластиковую папку-скоросшиватель. Внутри лежали несколько белых листов бумаги, испещренных рядами цифр. Их помог достать Андрей — тот самый незаменимый, немного-словный и невероятно эффективный Андрей, который прошел Чечню и обладал совершенно специфическими, полулегальными связями в сфере телекоммуникаций и нарождающихся банковских компьютерных систем. Он никогда не задавал Елене лишних вопросов о том, зачем ей это нужно. Он просто брал вводные данные и делал свою работу, предоставляя ей те козыри, те закрытые данные, которые в начале двухтысячных годов было практически невозможно получить официальным милицейским путем без санкции прокурора.

— Когда мы на днях общались с вашей падчерицей, Лиза в порыве раздражения упомянула ваши довольно частые, ничем не обоснованные отлучки — начала Елена, внимательно, не мигая, наблюдая за бледным лицом Екатерины. На лице гостьи не дрогнул ни один мускул. — Лиза прямым текстом сказала, что вы много времени проводите в бутиках и торговых центрах, однако, что странно, всегда возвращаетесь домой с пустыми руками. Без покупок.

— Лиза — трудный, избалованный подросток в стадии переходного возраста, — холодно, с легкой долей презрения отозвалась Екатерина, слегка вздернув идеальный подбородок. — Ей свойственно фантазировать на пустом месте и отчаянно ревновать отца к моему присутствию в доме. Я не обязана отчитываться перед взбалмошной девчонкой о каждом своем шаге за пределы ворот.

— Перед ней — безусловно, нет. Но ваши тайные маршруты очень интересуют меня, — Елена решительным жестом положила распечатки на стол и пододвинула их ближе к Екатерине, так, чтобы цифры бросались в глаза. — Посмотрите сюда. Это выписка движения денежных средств по вашему личному банковскому счету за последние полгода. Здесь черным по белому отражены регулярные снятия очень крупных сумм наличными. Причем суммы, которые вы обналичивали, значительно, в разы превышают те карманные деньги, которые Максим Владимирович обычно выделяет вам на личные расходы, судя по его собственным уверенным заявлениям следователю на допросе.

Взгляд Екатерины опустился на сухие колонки цифр. В это мгновение Елена, как бывший опер, ожидала абсолютно любой реакции: внезапной вспышки гнева, картинной паники, истеричных обвинений в незаконном вмешательстве в частную жизнь, криков об адвокатской этике и угроз затаскать ее по судам. Она физически внутренне сжалась, готовая отражать словесный удар разъяренной, загнанной в угол женщины, пойманной на наглom вранье.

Но реакция Екатерины оказалась совершенно, обескураживающе иной.

Плечи молодой женщины, до этого напряженно поднятые, вдруг бессильно опустились. Напускная надменность, этот идеальный ледяной фасад жены успешного олигарха, мгновенно растаял, рассыпался в прах, оставив после себя на жестком стуле просто уставшую, измученную постоянным напряжением женщину. Она не стала кричать, не стала выхватывать бумаги или отрицать очевидные факты.

— Вы залезли в мой банковский счет, — глухо констатировала она, даже не поднимая покрасневших глаз от распечаток. В ее голосе не было ни капли агрессии или возмущения, только тупая, смиренная покорность неизбежному. — Незаконно, разумеется. С помощью каких-то хакеров или продажных банковских клерков.

— В интересах правосудия и защиты невиновного человека, — твердо парировала Елена, не позволяя себе расслабиться. — Поймите меня правильно. Из вашего дома украдена колоссальная сумма наличными. А в это же самое время молодая жена потерпевшего втайне от мужа систематически снимает со счетов сотни тысяч. Согласитесь, с точки зрения следствия это выглядит как отличный, мотив. У любого следователя возникнет мысль: а не инсценировала ли сама Екатерина эту дерзкую кражу, свалив вину на подвернувшегося под руку старика,

чтобы перекрыть деньгами мужа какую-то свою страшную тайну? Крупный карточный долг в нелегальном казино? Откупиться от шантажиста? Или содержать молодого любовника?

Екатерина наконец медленно подняла голову и посмотрела Елене прямо в глаза. В ее потемневшем взгляде светилась такая горькая, взрослая ирония, смешанная с отчаянием, что Елене стало не по себе.

— Вы слишком много читаете дешевых криминальных романов, Елена, — молодая женщина медленно потянулась рукой к дорогой сумочке, достала блестящую пачку тонких женских сигарет, но, вспомнив, где находится, с сожалением убрала ее обратно. Она нервно облизнула пересохшие губы. — Любовник? Шантаж? Долги? Мой муж — Максим Владимирович Свинцов. Человек, который контролирует расход каждой канцелярской скрепки и знает расписание каждого рабочего. Вы всерьез думаете, что я могла бы завести любовника под его носом? Или влезть в долги, о которых он бы не узнал через свою службу безопасности на следующий же день? Он бы раздавил меня. Стер бы в порошок быстрее, чем вы успели бы моргнуть глазом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.